

Относительно марксизма в языкознании

(Окончание. Начало см. на 2-й стр.)

В отличие от надстройки, которая связана с производством не прямо, а через посредство экономики, язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека так же, как и со всякой иной деятельностью во всех без исключения сферах его работы. Поэтому словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения, при этом язык, в отличие от надстройки, не приходит дождаться ликвидации базиса, он вносит изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотносительно к состоянию базиса.

Однако словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникающими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов. Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всем основном и используется, как основа словарного состава языка.

Это и понятно. Нет никакой необходимости уничтожать основной словарный фонд, если он может быть с успехом использован в течение ряда исторических периодов, не говоря уже о том, что уничтожение основного словарного фонда, накопленного в течение веков, при невозможности создать новый основной словарный фонд в течение короткого срока, привело бы к параличу языка, к полному расстройству дела общения людей между собой.

Грамматический строй языка изменяется еще более медленно, чем его основной словарный фонд. Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд. Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох.

Таким образом, грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики.

История отмечает большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции. Некоторые историки, вместо того, чтобы объяснить это явление, ограничиваются удивлением. Но для удивления нет здесь каких-либо оснований. Устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда. Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искоренить, разрушить и уничтожить язык балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьезные изменения, было воспринято немало турецких слов и выражений, были и «соединения» и «расхождения», однако балканские языки выстояли и выжили. Почему? Потому, что грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранялись.

Из всего этого следует, что язык, его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох.

Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем.

Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшиеся для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка. За это время племена и народности дробились и распадались, сменялись и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменялись старые общественные строи новыми. Все это внесло еще больше изменений в язык и его развитие.

Однако было бы глубоко ошибочно думать, что развитие языка происходило так же, как развитие надстройки: путем уничтожения существующего и построения нового. На самом деле развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем разветвления и совершенствования основных элементов существующего языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества.

Говорят, что теория стадийного развития языка является марксистской теорией, так как она признает необходимость внезапных взрывов, как условия перехода языка от старого качества к новому. Это, конечно, неверно, ибо трудно найти что-либо марксистское в этой теории. И если теория стадийности действительно признает внезапные взрывы в истории развития языка, то тем хуже для нее. Марксизм не признает внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка. Лафарг был не прав, когда он говорил о «внезапной языковой революции, совершившейся между 1789 и 1794 годами» во Франции (см. брошюру

Лафарга «Язык и революция»). Никакой языковой революции, да еще внезапной, не было тогда во Франции. Конечно, за этот период словарный состав французского языка пополнился новыми словами и выражениями, выпало некоторое количество устаревших слов, изменилось смысловое значение некоторых слов, — и только. Но такие изменения ни в какой мере не решают судьбы языка. Главное в языке — его грамматический строй и основной словарный фонд. Но грамматический строй и основной словарный фонд французского языка не только не исчезли в период французской буржуазной революции, а сохранились без существенных изменений, и не только сохранились, а продолжают жить и поныне в современном французском языке. И уже не говоря о том, что для ликвидации существующего языка и построения нового национального языка («внезапная языковая революция») до смешного мал пяти-шестилетний срок, — для этого нужны столетия.

Марксизм считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества.

Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон перехода от старого качества к новому качеству языка, — он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка. Он обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов. В течение 8—10 лет мы осуществили в сельском хозяйстве нашей страны переход от буржуазного индивидуального крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю. Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переход совершился не путем взрыва, т. е. не путем свержения существующей власти и создания новой власти, а путем постепенного перехода от старого буржуазного строя в деревне к новому. А удалось это благодаря тому, что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства.

Говорят, что многочисленные факты скрещивания языков, имевшие место в истории, дают основание предполагать, что при скрещивании происходит образование нового языка путем взрыва, путем внезапного перехода от старого качества к новому качеству. Это совершенно неверно.

Скрещивание языков нельзя рассматривать, как единственный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи.

Далее. Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает.

Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняя его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития.

Правда, при этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счет победившего языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его. Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнился при этом за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык.

Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития.

Не может быть сомнения, что теория скрещивания не может дать чего-либо серьезного советскому языкознанию. Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит ее, — она просто не замечает, или не понимает ее.

Признав «некоторые» ошибки Н. Я. Марра, «ученики» Н. Я. Марра, оказываясь, думают, что развивать дальше советское языкознание можно лишь на базе «уточненной» теории Н. Я. Марра, которую они считают марксистской. Нет уж, забудьте нас от «марксизма» Н. Я. Марра. Н. Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь утилитаристом и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев».

Н. Я. Марр внес в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчет языка, как надстройки, и запугал себя, запугав языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы развивать советское языкознание.

Н. Я. Марр внес в языкознание другую, тоже неправильную и немарксистскую формулу насчет «классовости» языка и запугал себя, запугав языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы, противоречащей всему ходу истории народов и языков, развивать советское языкознание.

Н. Я. Марр внес в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кляузы, высокомерный тон, ведущий к толому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н. Я. Марра.

Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как «идеалистический». А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языка, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов.

Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории «праязыка». А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка. Я уже не говорю, что теория «праязыка» не имеет к этому делу никакого отношения.

Послушать Н. Я. Марра и особенно его «учеников», можно подумать, что до Н. Я. Марра было никакого языкознания, что языкознание началось с появлением «нового учения» Н. Я. Марра. Маркс в Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период.

Таким образом, дискуссия помогла делу также и в том отношении, что она вскрыла идеологические прощелки в советском языкознании.

Я думаю, что чем скорее освободится наше языкознание от ошибок Н. Я. Марра, тем скорее можно вывести его из кризиса, который оно переживает теперь.

Ликвидация архаического режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание, — таков по-моему путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание.

Н. СТАЛИН.

Ян ДРДА

Правда истории

посеки, уничтожали кусты роз, стремясь к тому, чтобы исчезли всякие проявления жизни.

И во имя жизни на этой земле, во имя будущего всего человечества нужно было уничтожить этих извращенцев врагов человека и жизни. Советский человек сделал это и сделал не только благодаря могучему техническому превосходству своего оружия, но и благодаря огромному моральному превосходству, благодаря своей любви к жизни.

Возможно, именно наш сибирский человек написал на стенах рейхстага от имени всего советского народа:

«Мы пришли с мечом в Берлин, чтобы навсегда отлучить фашистов от меча!»

Советский человек, сын страны социализма, хозяин и создатель жизни, борется против войны и катастроф, которыми угрожает народам Уолл-стрит.

Через пять лет после падения Берлина американские империалисты хватаются за гитлеровский меч, чтобы снова поднять его против мира. Несмотря на сопротивление народов Европы, они посылают через Атлантический океан грузы с вооружением. Грубая разрушительная сила, которой империалисты подчиняют все изобретения науки и достижения человеческого разума, остается их единственной опорой, аргументом и вероисповеданием. Империалистическая буржуа, в ужасе трагического оттого, что рухнет его господство, залезает в фашизм, как в скорлупу, уверяя угрозы. Он ненавидит все прогрессивное, зверски ненавидит человека и весь его род, жизнь и все ее творческие проявления.

Для борьбы против человека, против народов мира, против человеческого общества реакция мобилизует всю загнивающую буржуазную культуру, продажных ученых и подлых бесплодных художников, которые не способны уже творить во имя жизни. Они развращают человеческое сознание, его чистоту и совесть во имя смерти и разрушения.

Что иное, кроме гипнотической песни на тему разлагающейся буржуазии, представляют собой всякие Сартры, Генри Миллеры и Хаксли? Их герои, полные и трусливые по своей натуре, очень похожи на фашистов, хорошо известных миру по Майнелуку и Биркенху. Вот он, настоящий герой романа Сартра, профессор Матюш Деларю:

«Ребенок? Это мясо, которое мыслит, кричит и кровотоцит, когда его убивают». Пусть над этим изречением задумается каждая мать, которая склоняется над светлой головкой своего спящего ребенка. Как эти герои близки господину Джунгану Хаксли, в прошлом директору ЮНЕСКО, полному английскому пуританину, который отважился выступить на съезде биологов с предложением уменьшить рождение человечества! Это Хаксли призвал бороться против детей, находящихся еще в утробе матерей, потому что эти новые жизни угрожают господству его класса!

Как близки они атомному безумцу вроде Форрестало, которые нажатием кнопки хотели обратиться в прах целые края со всем живым, с людьми, животными и растениями!

Как родственны они безумному французскому генералу, который в угоду своим ульстристским хозяевам внес «рационализаторское» предложение: вместо атомной бомбы сконструировать радиополитическую тучу, которая могла бы убивать людей, но не уничтожала бы при этом дома и фабрики, строительство которых стоит денег!

Да! Они потому все так близки друг другу, что представляют собой не что иное, как присосавшиеся борзавики на разных шупальцах одного и того же грязного спрута, который обнимает полсвета, стремясь остановить его движение.

Против этого спрута империализма направлена общая борьба за мир людей всего мира. Во имя жизни и свободы, во имя будущего наших детей,

К. САТЫБАЛДИН,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Новатор и рабы традиции

Прозвучало это в Казахском филиале Всесоюзного ордена Ленина Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина. Заведующий лабораторией генетики и селекции этого филиала кандидат сельскохозяйственных наук Ф. Н. Куксенко, исходя из теории академика Т. Д. Лысенко о стадийном развитии растений, еще в 1948 году добился резкого повышения урожайности семян многолетних трав, в частности люцерны. Как показал опыт, применение разработанного тов. Куксенко метода дает возможность повысить урожайность семян люцерны на неплодородных землях от 2 до 10 раз, а урожай сена — от 4 до 10 центнеров с гектара.

Как подобает советскому ученому, Ф. Н. Куксенко сразу же поставил вопрос о широком внедрении своего метода в колхозное семеноводство. Новатор-ученый активно поддерживал совещание агрономов при Алма-Атинском обкомхозуправлении, собравшемся в декабре 1948 года. Совещание постановило испытать новый метод в колхозах на площади в 2.200 гектаров.

Однако не тут-то было. Против тов. Куксенко ополчился руководящий Казахского филиала ВАСХНИЛ, хотя оно, казалось бы, первым обязано было оказать ему всемерную поддержку. Началась канитель, длающаяся без малого два года.

Вначале от предложения тов. Куксенко просто пытались отмахнуться. Затем пошли разговоры о том, что ничего нового, дескать, в открытии тов. Куксенко нет и что все это уже давным-давно известно. Только с конца прошлого года, когда произведенные опыты с исчерпывающей ясностью подтвердили эффективность метода тов. Куксенко, огромная польза его открытия уже не оспаривалась. Но зато начался затяжной спор о том, прав или неправ ученый, назвав разработанный им метод «омоложением люцерны». Все внимание устремилось на ожесточенные дебаты по поводу этого термина.

Особенно резко выступил доктор сельскохозяйственных наук Блишев. По мнению тов. Блишева, поскольку открытие тов. Куксенко якобы противоречит учению академика В. Р. Вильямса, не предусматривающего в свое время предложенного новатором метода повышения урожайности семян люцерны, этот метод вообще не является открытием. Блишеву нет дела до того, что государство может выиграть сотни миллионов рублей от внедрения метода Куксенко, что благодаря этому методу можно быть расширена кормовая база нашего животноводства. Ретрограды требуют от Ф. Н. Куксенко, чтобы он отказался называть свое открытие «омоложением люцерны».

— От этого термина надо воздержаться, — призывает кандидат сельскохозяйственных наук тов. Колушева, — так как увеличение урожая семян люцерны, которое получал тов. Куксенко в своих опытах, следует отнести за счет создания лучших условий развития растений люцерны в результате применения дискования и культивации, лучшей аэрации почвы и уничтожения части вредителей, зимующих в пожнинных остатках и в почве.

Как видим, возражая против термина «омоложение», тов. Колушева полностью признает самый факт роста урожайности люцерны.

Не входя в рассмотрение того, кто прав в этом ученом терминологическом споре, мы, однако, решительно утверждаем, что противники тов. Куксенко, безусловно, виноваты в том, что на протяжении двух лет они срывают широкое внедрение открытия в сельскохозяйственную практику.

По их настоянию, в 1949 году колхозы Каскельского, Илийского и Даламбайского районов отказались от испытания метода тов. Куксенко. Голосу ученых консерваторов не являл лишь колхозники Эмбекши-Казахского и Алма-Атинского сельского районов. Здесь, на площади в 1.000 гектаров, благодаря методу тов. Куксенко получили необычайно высокий урожай. Средняя урожайность семян люцерны в колхозах Эмбекши-Казахского района составила 230 килограммов с гектара против обычных 117 килограммов. В результате колхозы Эмбекши-Казахского района дополнительно получили более 600 центнеров семян, что дало им возможность в нынешнем году увеличить площадь многолетних трав на 6.000 гектаров.

Но и этот опыт ничему не научил противников тов. Куксенко. Они продолжают всячески мешать его работе. По их настоянию исключена из плана изданий Казахского филиала ВАСХНИЛ брошюра тов. Куксенко, которая должна была выйти в свет в январе 1950 года. Worse не включена в издательский план брошюра «Агротехника семеноводства люцерны», специально написанная в помощь колхозникам. Инструкции по методу Куксенко, составленные сотрудниками лаборатории генетики, до сих пор не вышла в свет, хотя она утверждена заместителем министра сельского хозяйства Казахской ССР тов. Арыстанбековым.

Одиннадцатого февраля 1950 года президиум Казахского ВАСХНИЛ вынес решение, признающее ценность работы тов. Куксенко и намечающее конкретные мероприятия по внедрению в производство нового метода повышения урожайности семян люцерны.

Однако решение это все же осталось на бумаге. Блишеву и его сторонникам удалось сорвать сроки проведения работ по омолождению люцерны на богатырских землях, поставив под угрозу выполнение намеченного правительством плана, по которому в 1950 году новый метод должен был применен на площади в 55.000 гектаров.

Казахстан — крупнейшая база социалистического животноводства на Востоке СССР. Именно здесь важно в кратчайшие сроки внедрить открытие тов. Куксенко. Достаточно сказать, что использование метода Куксенко на площади только в 25.000 гектаров даст дополнительно 25.000 центнеров семян.

Стена равнодушия и косности, возникшая на пути ученого-новатора, должна быть разрушена. Президиум Казахского ВАСХНИЛ должен, наконец, перейти от слов к делу, учитывая, что уже сорваны весенние сроки и что под угрозой срыва находятся летние сроки посева люцерны. Надо решительно преодолеть недопустимую волокиту с внедрением в жизнь ценного открытия тов. Куксенко, надо сделать все, чтобы разработанный им метод стал как можно скорее достоянием наших колхозов и совхозов.

АЛМА-АТА

